

УДК 101.3:008

**ТРАДИЦИОНАЛИЗМ О МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ ТРАДИЦИИ
И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (Р. ГЕНОН, М. ЭЛИАДЕ)**

Н.И. Осмонова

Проанализирована концепция традиционализма, представленная в оригинальной форме современными французскими философами Р. Геноном и М. Элиаде, которые обосновывают метафизический подход к пониманию сущности традиции и традиционной культуры.

Ключевые слова: традиционализм; традиционная метафизика; метафизика традиционного общества; традиция; традиционная культура; символ; миф.

**TRADITIONALISM ON METAPHYSICAL FOUNDATION
OF THE TRADITION AND TRADITIONAL CULTURE (R. GUENON, M. ELIADE)**

N.I. Osmonova

The article analyzes the concept of traditionalism, which is presented by modern French philosophers R. Guenon and M. Eliade in an original form, who substantiate metaphysics approach to comprehension of essence of the tradition and traditional culture.

Key words: traditionalism; traditional metaphysics; metaphysics of traditional society; tradition; traditional culture; symbol; myth.

В современных подходах и методологиях исследования феномена традиционной культуры, основу бытия которой составляет традиция как способ передачи накопленного социального опыта из поколения в поколение, невозможно обойтись без обращения к идеям такого направления западной философской мысли, как традиционализм. Данное направление и в историческом, и в содержательном, и в цивилизационном отношении является весьма оригинальным и неоднозначным, вызывающим до сих пор множество споров и дискуссий. Говоря о традиционализме как современном западном явлении, следует уточнить, что “речь не идет, как может показаться из названия, просто об уважении к традициям: речь идет об издревле существующей концепции циклов, которая отвергает идею линейного развития, прогресса и предполагает периодическое возвращение к истокам, “восстановление утраченного рая” [1, с. 30]. Ее виднейшими представителями нашего времени являются Р. Генон, Дж. Эвола, Р. Абеллио, А. Бенуа, М. Элиаде, которые, придерживаясь эзотерических учений Востока, прежде всего индуизма и ислама, обосновывают метафизический подход к пониманию сущности

традиции и традиционной культуры. Согласно его представителям, традиционализм направлен на постижение “скрытой, единой, всеобщей традиции” (Р. Абеллио), “традиции, воплощенной в символах” (А. Бенуа), “изначальной Традиции – с большой буквы – выражающей всеобщий, космический и метафизический смысл мироздания” (Р. Генон). Следовательно, согласно традиционализму, под традицией понимается не способ или механизм, передающий в неизменной форме социальные нормы, ценности, опыт и знания из поколения в поколение, а траектория возвращения к онтологическому источнику данного опыта и знаний. При этом не просто знаний, а священных знаний, от которых производны все другие знания индивидуальной и общественной жизни. Следовательно, в концепции традиционализма самое важное заключается не в механизме или процессе, а в том, что передается традицией, то есть определенное содержание, которое должно быть вполне достойным того, чтобы его сохраняли, насколько это возможно, и передавали от поколения к поколению.

Среди представителей традиционализма особое место принадлежит его основателю – совре-

менному французскому философу и мистика Рене Генону, для которого центральным понятием его традиционной метафизики является понятие изначальной или примордиальной Традиции – с большой буквы – выражающей всеобщий, космический и метафизический смысл мироздания, изначальное содержание духовности, архетипический миф. Традиция – это не то, что создано, а лишь изначально воспринятое человечеством в ее первозданно едином облике и носит сверхвременной и надчеловеческий характер. Поэтому суть принципов “изначальной Традиции”, по мнению Рене Генона, выражена в символах “священной” или “сакральной” науки, являющейся внутренней, эзотерической стороной различных традиционных культур Востока и свойственных им религиозных учений. В этой связи, согласно французскому философу, поскольку область традиционной метафизики стоит по сути выше словесного и дискурсивного изложения, то единственный путь их постижения возможен только через символы и мифы. Именно они позволяют сделать конкретными, чувственными, постижимыми трансцендентные истины, которые язык не в состоянии сформулировать. “Учение, касающееся невыразимого, – пишет Генон, – очевидно, может лишь намекать на него с помощью соответствующих образов, являющихся опорой созерцания... Это означает, что такое учение неизбежно принимает символическую форму” [2, с. 450]. Символом может служить как абстрактное понятие, так и любой предмет материального мира, то есть символика использует множество форм, может выражаться в языке образов, а миф является только ее частным случаем, одной из форм: “Символ – это род, а миф – это один из ее видов” [2, с. 456]. Поэтому миф необходимо рассматривать как символическое повествование или притчу средствами одной реальности, выражающими другую. И именно в этом, по мнению Генона, заключается смысл существования мифа. Стоит отметить, что с такой точки зрения “миф” не является синонимом “сказания”. Греческое слово “*mythos*” происходит от корня *mu* (который присутствует в латинском языке: *mutus* – немой) и переводится как “закрытый рот”. Иначе говоря, Генон считает, что слово “миф” означает “сомкнуть уста”, а также “бормотать, не раскрывая рта”, “давать инициацию”, “учить”, “посвящать”. Как получилось, что слово “миф” стало обозначать повествование особого жанра? На этот вопрос Генон отвечает: “Дело в том, что сама идея “молчания” должна быть отнесена к вещам, которые по природе своей невыразимы... одна из основных функций символика намекать – намекать на невыразимое, побуждать, предчувствовать его или, лучше, “со-чувствовать”

ему посредством транспозиций с одного уровня на другой, с низшего на высший, от того, что можно постичь более непосредственно, к тому, что постигается гораздо большим трудом; и именно таким было первоначальное назначение мифов” [2, с. 459]. Даже Платон, по мнению Генона, прибегал к мифам, когда средств диалектики было недостаточно для изложения некоторых концепций, более того, наиболее глубокие рассуждения и умозаключения в философии Платона переданы именно мифами, средствами символизма. Поскольку символы, согласно Генону, основываются на аналогии или соответствии между идеей и ее изображением, то реальность одного уровня выражается посредством реальности другого уровня, которая, в таком случае, становится символом первой. Отсюда, по мнению Генона, миф имеет символическое значение и обладает внутренним эзотерическим смыслом, который раскрывается только в молчании, как невыразимое словами личное переживание. Поэтому происхождение мифа, считает он, связано, в первую очередь, с символизмом и все различия, которые делают исследователи между “мифами” и “символами”, необоснованны и если “миф есть повествование, имеющее смысл, отличный от того, который составляющие его слова выражают буквально и непосредственно, то символ в первую очередь является фигуративным изображением определенных идей посредством геометрической схемы или какого-либо рисунка; символ предстает тогда как графический способ выражения, а миф – как словесный” [2, с. 456].

Исходя из этого, согласно Генону, возврат к Традиции предполагает освоение языка символов как “наиболее приспособленного к обучению истинам высшего порядка, религиозным и метафизическим, то есть всему тому, что отвергает современный дух, рационалистический в своей основе. Вот почему так необходимо восстановить, возможно, полное реальное значение традиционных символов, вернуть им их традиционный смысл, а не превращать их в предмет сентиментальной привязанности” [2, с. 458]. Традиционализм, таким образом, пытается возродить и восстановить утраченную гармонию мира, которая напоминает о себе языком мифов и символов. Традиционализм еще раз предупреждает современное общество о том, что чем больше происходит рост материального благополучия и комфорта, чем больше традиционное общество отходит от сакральных принципов Традиции в сторону модернизации, тем больше снижается духовный потенциал общества, утрачиваются символы, забываются мифы и предания. В современной западной культуре, которая находится на стадии упадка, согласно Генону, живая

связь с традицией полностью утеряна: в католицизме лишь формально присутствуют истины эзотерической доктрины. Только в восточной культуре, по его мнению, в особенности в мире ислама, традиция сохранила первозданную чистоту и духовность, что стало причиной принятия им ислама и окончательного переезда в Каир.

Таким образом, традиция, в понимании традиционализма, – это не процесс передачи унаследованного социокультурного опыта и знаний, а траектория возвращения к онтологическому истоку данного опыта и не просто знаний, а священных знаний. По сути, традиция – это особая онтологическая реальность, наделенная полнотой бытия и сообщаящая эту полноту человеческому существованию через символы и мифы.

Наиболее сходной с традиционной метафизикой Рене Генона являются воззрения другого известного французского философа румынского происхождения, крупнейшего историка религии и культуры Мирчи Элиаде. Он обосновывает положение о том, что в окружающем нас мире значимость обретают только те явления, которые, многократно повторяясь или “вечно возвращаясь”, без конца воспроизводят некий первоначальный универсальный образец, архетип, постоянно присутствующий и составляющий ядро культуры, независимо от места, времени и принадлежности к конкретному этносу. В этом смысле его идеи воплощают концепцию традиционализма, которая, как было отмечено, основана на существующей теории циклов, отвергающей идею линейного развития, прогресса, эволюции и предполагающей циклически замкнутое, повторяющееся, периодическое возвращение к истокам, так называемому времени “Оно”, то есть времени первопредметов, перводействий и первотворений. Поиск, под внешним разнообразием различных форм культур, глубоко скрытых закономерностей человеческой культуры и мышления, носящих архаический характер, универсальные мифологические истоки и символические воплощения сакрального, побудил Элиаде обратиться к опыту традиционных культур. Относительная неизменяемость облика традиционной культуры, ее “вечность”, объясняется им тем, что данный тип культуры находится вне исторического процесса, и его социальное время представляет собой круг – “вечное возвращение”. Собственно в традиционной культуре, где “символ, миф, ритуал выражают в различных аспектах и взаимосвязанных утверждений о конечной реальности вещей, – систему, которая и образует метафизику традиционного общества” [3, с. 25], ученый черпает вдохновение и находит основной материал,

на котором и строит свою теорию архетипов. Под “архетипом” М. Элиаде понимает нечто совсем другое, чем К.Г. Юнг. Это не “содержимое коллективного бессознательного”, а вневременные прообразы и символы, являющиеся единственной подлинной реальностью. Реальность, по мнению Элиаде, “достигается исключительно путем повторения (имитация или повторение некоего архетипа: события-образца – *Н.О.*) или участия, все, что не имеет образцовой модели, “лишено смысла”, иначе говоря, ему недостает реальности. Отсюда – стремление людей стать архетипическими и парадигматическими” [3, с. 45–46]. Поэтому для традиционного человека имитация архетипической модели есть реактуализация мифического момента, в котором впервые был явлен данный архетип.

“Что значит “жить” для человека, принадлежащего традиционным культурам?” – спрашивает Элиаде. И отвечает на этот вопрос: – “Прежде всего, это жить по внечеловеческим моделям, жить согласно архетипам. И, следовательно, жить в сердцевине реальности...” [3, с. 82]. Архетипы – это символическая основа мироздания, его неразрушимый сакральный костяк, животворящее начало Космоса. Следует отметить, что “космос” выступает здесь в исходном для нас значении, установившемся в античности. Это миропорядок, установленный от века, и доминирующее в жизни традиционного человека начало. Все значительные события в жизни традиционного человека обретали смысл через уподобление акту сотворения мира, космогонии, “как было вначале времен”, в “Правремени” или во “времени Оно”. Поэтому в традиционных культурах ребенка учат не тому, что сделал его отец или дед, а тому, что было сделано первопредками во “времена Оно”. Отец и дед, в свою очередь, тоже подражали и следовали примеру предков посредством ритуалов, от которых идет начало творения. Утрата или изменение каких-то элементов ритуала, который тождествен акту творения, означает начало распада “живой” традиции, символов и мифов, назначение и смысл которых “состоит именно в том, чтобы служить свидетельством целокупной реальности, непостижимой для иных способов познания” [4, с. 246]. Только символы, мифы и ритуалы, по мнению Элиаде, пробуждают к подлинной реальности, а “реальным становится преимущественно сакральное, ибо только сакральное есть в абсолютном смысле, оно действует эффективно, творит и придает вещам долговечность” [3, с. 30]. Сущность человеческого бытия (*homo religiosus*) и традиционного общества, следовательно, заключается в способности различать сакральное (духовное)

и профанное (утилитарное) везде, в повседневности, собственной психической жизни, культуре.

Связь между профанным и сакральным осуществляется, по мнению Элиаде, в “центре мира” – символическом месте, где небо соприкасается с землей. Таким центром мира является сооружение, дом, жилище, у кочевников – юрта. Каждое человеческое сооружение, согласно Элиаде, начинается с космизации территории: освоить ландшафт, фиксировать центр, определить стороны света и т. д. для того, чтобы преобразовать территорию в “упорядоченный мир”, космос, по образцу “мира богов”. Огромную роль в этом процессе космизации играют символы, позволяющие мгновенно, интуитивно устанавливать эту связь между небесным прототипом и его земным аналогом, между сакральным и профанным. Именно через символы, по мнению Элиаде, выражались глубинная структура мироздания, его закономерности и место человека в нем, недоступные эмпирическому опыту. Таким образом, М. Элиаде производит реконструкцию архаических представлений о мире, базирующихся на ряде архетипов, и тем самым раскрывает метафизику традиционного общества, выраженную через символы, мифы и ритуалы. “Доискиваясь истинного значения архаического символа или мифа, – отмечает Элиаде, – мы приходим к констатации того, что это значение отражает осознание некоей ситуации в Космосе, а следовательно, подразумевает определенную метафизическую позицию. Бесплезно искать в архаических языках терминологию, столь тщательно выработанную великими философскими традициями, как “бытие”, “небытие”, “реальный”, “ирреальный”, “становление”, “иллюзорный” и многие другие... Но если слова и нет, то вещь есть, только “высказана” она, т.е. выражена, осмысленным образом – в символах и мифах” [3, с. 25]. Поэтому “символы и мифы дошли до нас из глубины времен, они составляют часть человеческого существа, без них непредставима ни одна из подлинно экзистенциальных ситуаций человека в Космосе” [4, с. 139]. Сущность символов и мифов, по мнению Элиаде, заключается в том, что они носят универсальный характер и отвечают духовным потребностям традиционного общества, находящегося в экзистенциальной ситуации – ситуации поиска, вопрошания своего места во Вселенной. Благодаря им человек традиционного общества приобщается к универсальным ценностям, поднимается над частной ситуацией и открывает для себя общее и универсальное. В этом смысле во всем человеческом существовании роль символов и мифов несоизмерима, поскольку с их помощью человек традиционного общества преодолевает границы своих возможно-

стей, проникает в сакральную историю, повествующую о событиях, происшедших в достопамятные времена “начала всех начал”.

Особое значение мифов проявляется не только в том, что они объясняют мир и способ существования человека в этом мире, но, что более важно, с помощью их воспроизводства в ритуале человек оказывается способным повторить действия богов или героев, существовавших “в начале всего”. “Знать мифы, значит приблизиться к тайне происхождения всех вещей. Иначе говоря, человек узнает не только то, каким образом все возникло, но также и то, каким образом обнаружить это и воспроизвести, когда все уже исчезнет” [5, с. 24]. Такое восприятие мифов позволяет восстанавливать во всей целостности забытое время и делает человека в некоторой степени “соучастником” воспроизводимых событий и одновременно их современником. “Вообще, мифы показывают, что мироздание, человек и жизнь имеют сверхъестественное происхождение и сверхъестественную историю и что эта история значима, обладает большой ценностью и является образцом для подражания” [5, с. 29], – пишет М. Элиаде. В этом смысле миф понимается им не только как “священная история”, повествующая о сотворении мира богами, о мифических предках, но, прежде всего, миф устанавливает образцы для подражания, прототипы всех человеческих обрядов.

Итак, из проведенного краткого анализа концепции традиционализма Р. Генона и М. Элиаде видно, что ими была проведена метафизическая оценка традиции и традиционной культуры. Для того чтобы понять сущность последних, необходимо знать мифы, различать сакральное и профанное в жизни, культуре и понимать, что только посредством символов, которые несут в себе экзистенциально и метафизически наполненный смысл бытия, можно приблизиться к истинам высшего порядка и определить свое место во Вселенной.

Также следует отметить, что Р. Генона и М. Элиаде как представителей традиционализма связывает не только то, что они с различных точек зрения глубоко занимались изучением магии и оккультизма, сравнительным изучением мистики и символики, но и то, что они серьезно увлекались Востоком. Они внесли огромный вклад к включению восточной мысли в общий фонд человеческой культуры. Более того, изучение Индии М. Элиаде и личный опыт приобщения его к святыням древних восточных религий и изучение Р. Геноном восточных религиозных традиций, ставшее причиной отказа от христианства и принятия им ислама, наложили глубокий отпечаток на научную проблематику и их философские воззрения. Имен-

но в древней восточной метафизической и религиозной традиции рассматриваемые мыслители видели подлинную древнюю мудрость, истину, постигаемую лишь бессознательным путем, в процессе творческой или интеллектуальной интуиции при помощи символов и мифов. Поэтому они критиковали западный тип мышления, основанный на культе разума, и западную цивилизацию, проповедующую материальные блага и комфорт, что стало, по их мнению, причиной духовной разобщенности и упадка символического, эзотерического знания. Свою научную миссию эти мыслители видели в воссоздании универсального мирозерцания через преодоление разрывов между Востоком и Западом, прошлым, архаичным и настоящим, современным пониманием глубинных духовных основ человеческого бытия. В этом смысле их мысли были направлены на внеисторическое,

общечеловеческое и космическое начало, отсюда универсальность, целостность и архетипичность их взглядов.

Литература

1. *Фадеева Т.* Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры / Т. Фадеева. М.: Новалис, 2004.
2. *Генон Р.* Символика креста / Р. Генон. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
3. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение) // Избранные сочинения / М. Элиаде. М.: Ладомир, 2000.
4. *Элиаде М.* Образы и символы (Эссе о магико-религиозной символике) // Избранные сочинения / М. Элиаде. М.: Ладомир, 2000.
5. *Элиаде М.* Аспекты мифа / М. Элиаде. М.: Академический Проект; Парадигма, 2005.